

К. В. Синкевич

старший преподаватель кафедры гражданского права
юридического факультета Белорусского
государственного университета

АВТОНОМИЯ ВОЛИ КАК ПРОЯВЛЕНИЕ УНИВЕРСАЛЬНОГО ЧАСТНОПРАВОВОГО ПРИНЦИПА ДИСПОЗИТИВНОСТИ В КОЛЛИЗИОННОЙ СФЕРЕ

Аннотация. Исследуется вопрос о правовой природе автономии воли, который является одним из наиболее дискутируемых в современной науке международного частного права. На основании проведенного исследования автор приходит к выводу, что автономия воли представляет собой принцип международного частного права, вытекающий из фундаментального частноправового принципа диспозитивности. Обосновано, что принцип автономии воли носит универсальный характер и находит выражение в структуре коллизионной нормы в привязке «закон, избранный сторонами правоотношения» (*lex voluntatis*).

Ключевые слова: международное частное право; коллизионное регулирование; автономия воли; универсальные частноправовые принципы; принцип свободы договора; принцип диспозитивности.

Введение. Вопрос о правовой природе автономии воли традиционно относится к числу дискуссионных в доктрине международного частного права (далее – МЧП). Несмотря на то что формулировка «принцип автономии воли» является достаточно устоявшейся, получила широкое распространение в научной литературе, а также находит нормативное закрепление в национальном законодательстве (например, украинский законодатель в ст. 1 Закона Украины от 23 июня 2005 г. № 2709-IV «О международном частном праве» [1] квалифицирует автономию воли в качестве принципа, не уточняя, однако, в дефиниции, принципа какой правовой области), дискуссия о принципах МЧП в целом и месте автономии воли среди упомянутых принципов в частности не теряет своей актуальности.

В научной литературе обозначенный вопрос затрагивался как в работах, посвященных непосредственно теоретическому анализу автономии воли (Н. В. Тригубович [2], О. Ю. Малкин [3], С. В. Третьяков [4], С. М. Задорожная [5] и др.),

так и в рамках комплексных исследований, направленных на выявление основополагающих принципов МЧП (Ю. М. Акимова [6], О. Н. Толочко [7], У. Б. Филатова [8], Н. В. Оксютчик [9], Р. Ю. Колобов [10, с. 19–20] и др.).

Основная часть. В российской доктрине квалифицирует автономию воли в качестве принципа МЧП Н. В. Тригубович. В кандидатской диссертации «Автономия воли в международном частном праве» (1999) автор отмечает, что «автономия воли является одним из важнейших принципов МЧП и предполагает свободу выбора участниками правоотношения той или иной правовой системы для регулирования отношений, в которых они участвуют (как правило, договорных)» [2, с. 15].

В настоящее время, полагает С. Каримов, статус автономии воли в качестве принципа МЧП общепризнан. Такой вывод, подчеркивает автор, объясняется, во-первых, повсеместным закреплением данного правила в международных договорах и национальном законодательстве для регулирования договорных отношений, во-вторых, расширением сферы применения автономии воли и распространением ее не только на договорные, но и на внедоговорные, определенные брачно-семейные и некоторые наследственные отношения [11, с. 21].

Среди белорусских исследователей позиции об отнесении автономии воли к принципам МЧП придерживается О. Н. Толочко. Автор отмечает, что автономия воли сторон является одной из главных идей МЧП, имеющих самостоятельное регулятивное, нормообразующее значение. Под принципом автономии воли О. Н. Толочко понимает признанную наукой, практикой и закрепленную в законе возможность избрать применимое право непосредственно сторонами правоотношения [7, с. 26].

Представляется, что теоретическое осмысление правовой природы автономии воли предопределяется позицией исследователей относительно проблематики сущности МЧП в целом и коллизионного регулирования в частности.

Так, Ю. А. Акимова придерживается подхода, что «самой распространенной и логически обоснованной концепцией понимания МЧП на сегодняшний день является точка зрения, согласно которой предмет МЧП лежит в сфере внутреннего частного права различных государств, а само МЧП выступает самостоятельной отраслью права [6, с. 25]. Таким образом, исследователь рассматривает МЧП как отрасль российского права, которая регулирует частноправовые

отношения, осложненные иностранным элементом. В кандидатской диссертации «Принципы международного частного права» (2015) Ю. А. Акимова «для наиболее полной характеристики МЧП как самостоятельной отрасли внутреннего российского права» выделяет отраслевые принципы МЧП, так как полагает, что «предмет, метод и принципы составляют методологические основы и сущность такой отрасли права, как МЧП» [6, с. 39–40]. По мнению автора, автономия воли относится к числу отраслевых принципов МЧП [6, с. 56].

Следует отметить, что подход, согласно которому МЧП квалифицируется в качестве самостоятельной отрасли национального права, исходя из существования специфического предмета и метода правового регулирования, является традиционным для сторонников внутригосударственной доктрины МЧП.

Среди белорусских исследователей наиболее полно критика внутригосударственной доктрины МЧП изложена в трудах М. В. Мещановой. По мнению автора, достаточные основания для признания МЧП самостоятельной отраслью права отсутствуют, поскольку предмет правового регулирования МЧП находится в рамках как минимум трех традиционных отраслей национального законодательства, еще сложнее определиться со спецификой метода регулирования, который, по мнению сторонников внутригосударственной доктрины МЧП, может быть не только коллизионным, но и материально-правовым [12, с. 22]. Таким образом, исследователем отрицается единство предмета и метода правового регулирования МЧП.

По мнению М. В. Мещановой, «наука МЧП пока не выработала последовательной позиции относительно перечня фундаментальных принципов данной сферы правового регулирования. Более того, возможность разработки перечня таких принципов вызывает определенные сомнения, поскольку в состав МЧП входят правовые нормы, происходящие из различных правовых систем (международное, национальное и наднациональное право)» [12, с. 54].

А. Мережко справедливо подчеркивает, что подход, согласно которому МЧП имеет национально-правовую природу, неоправданно сужает сферу МЧП, и в его основе лежит сугубо позитивистское представление о природе права в целом. Национальное МЧП имело смысл до тех пор, пока международные связи и контакты между людьми остава-

лись исключением, однако в современных условиях, когда перемещение людей, товаров и услуг по миру становится обыденностью, исключительно национальное МЧП теряет смысл, а на его место приходит идея глобального частного права [13, с. 325, 330].

Ученый акцентирует внимание, что МЧП вполне оправдывает свое название, и его следует рассматривать не как совокупность отдельных, достаточно обособленных систем национального права, а как комплексное многоуровневое явление, имеющее, однако, общее ядро, общий знаменатель, лежащий в основе всех национальных систем частного права. Наличие такого общего ядра обусловлено единством, взаимосвязанностью и взаимозависимостью международных частноправовых отношений и международной жизни в целом. В таком ракурсе национальные системы МЧП представляются автору как различные ветви, прикрепленные к стволу единого дерева глобального частного права [13, с. 325–326]. Поскольку существуют четыре системы права (национальное право, международное (межгосударственное) право, наднациональное право и транснациональное право), структура МЧП в широком смысле состоит из следующих элементов: 1) национальное МЧП; 2) межгосударственное частное право; 3) транснациональное частное право; 4) наднациональное частное право [13, с. 326].

Полагаем необходимым согласиться с тем, что «сложные системные связи и специфика норм МЧП не позволяют вписать их в устоявшуюся отраслевую модель структуры системы национального права» [12, с. 61]. В свою очередь, вызывает сомнение обоснованность выделения отраслевых принципов МЧП в качестве теоретического фундамента этой отрасли права (наряду с предметом и методом), среди которых исследователи называют автономию воли.

В юридической литературе отмечается, что, несмотря на продолжающиеся дискуссии о предмете правового регулирования отдельных отраслей права, о специфике их метода, принципах и т. д., тем не менее «создается впечатление, что это делается по большей части в силу привычки, нежели исходя из практической пользы» [12, с. 21–22].

М. В. Мещанова акцентирует внимание, что «в нынешний момент отраслевая структура права уже не в состоянии в полной мере справиться с развитием социальной реально-

сти и не отражает ее адекватно. Это приводит к ведению бесконечных споров об обоснованности выделения той или иной отрасли права [12, с. 30].

По мнению Г. П. Курдюк, «отраслевое деление права постепенно сдает свои позиции в пользу деления права на частное и публичное» [14, с. 18].

Дискуссии о разделении права на частное и публичное ведутся уже давно, однако в последнее время они приобрели особую актуальность ввиду постепенного отхода русскоязычной теории права от доминантной отраслевой структуры, что связано в том числе с отрицанием объективности данной модели построения системы права [12, с. 27].

Следует отметить, что термин «МЧП» возник в странах, использующих систему деления права на частное и публичное. Сущность частного права характеризуется независимостью и автономностью субъектов, осуществлением гражданских прав своей волей и в своем интересе, защитой частной собственности и весьма незначительным вмешательством государства [12, с. 58].

Наполнение понятия «частное право» ученые видят по-разному, относя или исключая из сферы частного права отдельные отрасли и правовые институты. Традиционно к частному праву принято относить гражданское право (включая вещное, обязательственное, наследственное право, право интеллектуальной и промышленной собственности), семейное и трудовое право, МЧП, торговое (коммерческое) право [15, с. 34].

По мнению И. В. Бакаевой, в общую систему частного права наряду с гражданским правом принято включать семейное, трудовое, в развитии которых преобладает тенденция к расширению диспозитивности регулирования, что свидетельствует об усилении в них частноправовых начал и их последовательном сближении с гражданским правом как классическим частным правом. В систему частного права, отмечает автор, входит также и МЧП [16, с. 96].

Следует отметить, что под регулирующее воздействие МЧП подпадают не только гражданско-правовые отношения в узком смысле слова, но также брачно-семейные и трудовые отношения частноправового характера, осложненные иностранным элементом (заключение и расторжение брака,

заклучение трудового договора и т. д.). При этом из регулирующего воздействия МЧП исключаются брачно-семейные и трудовые отношения, которые носят властный характер (регистрация брака, трудовой распорядок и др.).

Таким образом, «...сами общественные отношения, о которых идет речь, не специфичны: они так и продолжают оставаться гражданскими, семейными или трудовыми. Особенности возникают только по причине наличия объективной связи данных отношений с правопорядком более чем одного государства (так называемое присутствие иностранного элемента). Указанная связь, в свою очередь, порождает необходимость определения компетентного правопорядка» [12, с. 52].

По мнению В. Ф. Попондопуло, «наличие иностранного элемента в отношениях, регулируемых МЧП, и использование коллизионного метода регулирования указанных отношений не изменяют их природы как имущественных и личных неимущественных отношений, основанных на равенстве, автономии воли и имущественной самостоятельности» [17, с. 93].

С учетом изложенного дальнейшие исследования правовой природы автономии воли будут исходить из тезиса о принадлежности МЧП к системе частного права. Сказанное, в свою очередь, предопределяет распространение на отношения, подпадающие под регулирующее воздействие МЧП, фундаментальных частноправовых принципов, которые являются «универсальными межотраслевыми средствами объединения частноправовой сферы» [18, с. 8].

В доктрине признается, что построение частного и публичного права осуществляется на основе частноправовых и публично-правовых норм, что, однако, не исключает наряду с преобладанием первых норм присутствие вторых.

В кандидатской диссертации Д. Н. Горшунова «Нормы частного права и их реализация» (2003) акцентируется внимание, что развитие процесса взаимопроникновения частных и публичных начал предопределяет поиск различий между частным и публичным правом не на уровне крупных правовых образований – отраслей права, а на уровне особенностей отдельных элементов права – правовых норм. Именно в самой норме права изначально заложено, относится она к частному праву или носит публично-правовой характер [15, с. 14].

Основу МЧП составляют коллизионные нормы, проблематика определения правовой природы которых традиционно относится к числу дискуссионных в доктрине МЧП.

Следует отметить, что Республика Беларусь придерживается позиции межотраслевой систематизации норм МЧП: коллизионные нормы содержатся в различных отраслевых кодифицированных актах (Гражданский кодекс Республики Беларусь от 7 декабря 1998 г. № 218-З (далее – ГК) [19], Кодекс Республики Беларусь о браке и семье от 9 июля 1999 г. № 278-З [20], Кодекс торгового мореплавания Республики Беларусь от 15 ноября 1999 г. № 321-З [21]). основополагающим актом в сфере коллизионного регулирования частноправовых отношений с иностранным элементом выступает раздел VII ГК «Международное частное право».

В доктрине МЧП существуют три основные позиции относительно правовой природы коллизионных норм. Доминировавший ранее подход о публично-правовой природе коллизионных норм (А. М. Ладыженский, С. Б. Крылов, В. Г. Храбсков, М. Н. Кузнецов, М. И. Брун) в настоящее время уступает получившим значительное распространение позициям о частноправовой природе указанных норм (Л. А. Лунц, М. М. Богуславский, С. Н. Лебедев, В. П. Звекон, Н. И. Марышева, О. Н. Садилов, М. В. Мещанова) и смешанной природе последних (Е. В. Бабкина, Л. П. Ануфриева).

Не преследуя цели дать всеобъемлющую характеристику каждой из обозначенных точек зрения, остановимся более подробно на двух последних концепциях.

В белорусской доктрине МЧП позиция о смешанной природе коллизионных норм высказана Е. В. Бабкиной. Автор придерживается подхода к дифференциации норм частного и публичного права исходя из критерия «предмет правового регулирования». Ученый подчеркивает, что «предмет МЧП на сегодняшний день не вызывает особых споров исследователей: это частноправовые отношения (вещные, обязательственные, наследственные, брачно-семейные и иные), осложненные иностранным элементом. Отсутствие среди участников правоотношения субъектов, наделенных властными полномочиями, уравнивание правового регулирования отношений с участием государства и международных организаций и отношений с участием лиц является дополнительным аргументом в защиту частноправовой природы коллизионных норм». Вместе с тем Е. В. Бабкина приходит к выводу, что «цель коллизионной нормы, заключающаяся в реализации публичного интереса – выборе между несколькими правовыми системами, установлении компетентного

правопорядка и вероятном санкционировании применения иностранного права в силу принципа международной вежливости, указывает и на присутствие публично-правового элемента в коллизионной норме» [22, с. 96–97].

Следует отметить, что согласно общепризнанному в доктрине подходу основным критерием дихотомии права выступает тот или иной интерес, закрепленный в правовых нормах [15, с. 8].

Применительно к МЧП А. В. Асосков справедливо акцентирует внимание на постепенном отказе от взгляда на МЧП как на «правила, предназначенные для решения проблемы конфликта суверенитетов и законодательной юрисдикции различных стран, и переходе к тому, чтобы в основу норм МЧП класть интересы отдельных участников гражданского оборота, а сами нормы МЧП рассматривать как один из инструментов для наиболее оптимального регулирования гражданско-правовых отношений» [23].

А. Мережко подчеркивает, что среди основных тенденций развития МЧП как глобального частного права выделяется тенденция к большей свободе контрагентов при выборе средств правового регулирования своих взаимоотношений. Новейшие кодификации МЧП, отмечает автор, уже учитывают эту тенденцию, поскольку в их основе – принцип наиболее тесной связи, предоставляющий правоприменительному органу большую свободу усмотрения при решении коллизионных проблем [13, с. 332–333].

Современные тенденции развития МЧП свидетельствуют о существенном изменении подходов в коллизионном регулировании частноправовых отношений с иностранным элементом. Как справедливо отмечается исследователями, «интенсификация трансграничной деловой активности привела к существенной трансформации логики и механизма правового регулирования возникающих частных отношений... В новых экономических реалиях процессы децентрализации, автономности и саморегуляции изменили логику разрешения конфликтов в сфере трансграничных частных отношений» [24, с. 113].

Так, в частности, за прошедшие годы значительно расширился круг субъектов, которые применяют коллизионные нормы: не только государственные суды, но и международные коммерческие арбитражные суды, которые не представляют государство, а также иные правоприменители. Кроме того,

все большее распространение получает использование в коллизионном регулировании гибких механизмов определения применимого права [25, с. 141], к числу которых, безусловно, следует относить и предоставление участникам частноправовых отношений с иностранным элементом коллизионно-правовой свободы в вопросе определения компетентного правопорядка.

Таким образом, усиление в МЧП диспозитивных начал, появление гибких механизмов определения применимого права влияют на изменение процесса принятия правовых решений: для сферы коллизионного регулирования все более характерным становится признание свободы волеизъявления юридически равных субъектов в вопросе определения применимого права в целях реализации личных (частных) интересов и приобретения субъективных прав и обязанностей. Данные аргументы свидетельствуют в пользу признания частноправовой природы коллизионных норм, что, в свою очередь, предопределяет вывод о распространении на них фундаментальных принципов частного права.

Ю. Р. Барышникова в диссертации на соискание ученой степени кандидата юридических наук «Принципы частного права: теоретико-правовое исследование» (2006) определяет принципы частного права как сформулированные в нормативно-правовых предписаниях системы частного права либо выводимые из них фундаментальные идеи, выражающие сущность частного права, определяющие его содержание и общий характер регулирования частноправовых отношений [18, с. 8].

Анализируя вопрос об универсальных частноправовых принципах, распространяющих свое действие на сферу коллизионного регулирования, следует отметить существование позиции, согласно которой понятия «свобода договора» и «автономия воли» соотносятся как целое и частное: свобода договора, кроме права сторон свободно вступать во внешнеэкономический договор, самостоятельно определять его предмет и условия, включает также право сторон внешнеэкономического договора определять подлежащее применению право [26, с. 36].

Следует отметить, что принцип свободы договора находит отражение в национальном законодательстве подавляющего большинства государств, международных договорах, а также актах рекомендательного характера. Так, согласно

ст. 1.1 Принципов международных коммерческих договоров УНИДРУА 2016 [27] «стороны свободны вступать в договор и определять его содержание». А. С. Комаров подчеркивает, что указанный документ представляет собой согласованный в рамках авторитетной межгосударственной организации свод норм договорного права, являющихся общими для существующих национальных правовых систем [28, с. 54].

Кроме того, указанный принцип широко представлен в договорных конструкциях семейного права (брачный договор, договор суррогатного материнства, соглашение о детях, соглашение об уплате алиментов) [25, с. 145]. Н. Л. Бондаренко отмечает, что «доктринально признанный в трудовом праве принцип свободы трудового договора является отражением принципа свободы договора, суть которого составляет предоставленная лицу возможность распоряжаться своими способностями к труду, выбирать род деятельности и профессию, а также возможность отказаться как от заключения конкретного трудового договора, так и вообще от участия в трудовой деятельности» [29, с. 7].

Таким образом, отнесение свободы договора к числу универсальных частноправовых принципов особых дискуссий у исследователей на сегодняшний день не вызывает.

Поддерживая точку зрения, согласно которой автономия воли соответствует гражданско-правовой природе договорных обязательств, в основе правового регулирования которых лежит принцип свободы договора [23], тем не менее полагаем, что исследуемое правовое явление не может рассматриваться исключительно как проявление упомянутого принципа в коллизионной сфере. Представляется, что подобный подход не учитывает современные тенденции развития МЧП, свидетельствующие о существенном расширении сферы применения автономии воли в коллизионном регулировании частноправовых отношений с иностранным элементом.

Так, современный подход основан на позиции, что любое обязательственное отношение, в том числе внедоговорного характера, предполагает право сторон на выбор применимого права.

Кроме того, в законодательстве некоторых стран имеются нормы, касающиеся автономии воли, которые относятся к участникам и иным гражданских или семейных правоотношений и даже субъектам односторонних актов (при наследовании) [30, с. 175–176].

В законодательстве Республики Беларусь нормативным основанием автономии воли выступает прежде всего ст. 1124 § 5 «Договорные обязательства» главы 75 раздела VII ГК. Согласно п. 1 ст. 1124 ГК стороны договора могут при заключении договора или в последующем избрать по соглашению между собой право, которое подлежит применению к их правам и обязанностям по этому договору, если это не противоречит законодательству.

Таким образом, в белорусском законодательстве прямое закрепление принцип автономии воли нашел только в отношении договорных обязательств. Вместе с тем допускается использование привязки *lex voluntatis*, являющейся выражением соответствующего принципа в структуре коллизионной нормы применительно к иным сферам частноправового регулирования.

Так, в сфере коллизионного регулирования вещных прав применяется привязка «закон, избранный сторонами правоотношения» (*lex voluntatis*) в отношении возникновения и прекращения права собственности и иных вещных прав на имущество по сделке (ст. 1120 п. 1) и в отношении права собственности и иных вещных прав на движимое имущество, находящееся в пути по сделке (ст. 1122).

Согласно ст. 1135 ГК допускается усеченная автономия воли в отношении завещания: «Способность лица к составлению и отмене завещания, а также форма завещания и акта его отмены определяются по праву страны, где наследодатель имел место жительства в момент составления акта, если наследодателем не избрано в завещании право страны, гражданином которой он является».

Применительно к сфере коллизионного регулирования трудовых отношений с иностранным элементом для иллюстрации можно привести ч. 2 ст. 50 Кодекса торгового мореплавания Республики Беларусь от 15 ноября 1999 г. № 321-З, согласно которой отношения между членами экипажа судна и судовладельцем определяются правом государства флага судна, если иное не предусмотрено договором, регулирующим отношения между судовладельцем и членами экипажа судна, являющимися иностранными гражданами. Следовательно, в указанном нормативном правовом акте отдается «безоговорочное предпочтение коллизионному началу *lex voluntatis* при определении права, применимого к трудовым отношениям» [31, с. 448].

Таким образом, в настоящее время сфера действия автономии воли расширяется на новые области частноправовых отношений, которые ранее не знали случаи применения автономии воли сторон в целях преодоления коллизии прав [32, с. 75].

Применительно к белорусскому законодательству представляется, что помещение общих правил об автономии воли в ст. 1124 § 5 «Договорные обязательства» главы 75 раздела VII ГК не свидетельствует об ограничении сферы применения автономии воли исключительно коллизионным регулированием трансграничных договорных обязательств, а указывает на недостатки правового регулирования национального законодательства. В этой связи следует отметить, что раздел VII ГК «Международное частное право», который выступает основным источником коллизионного регулирования трансграничных частных отношений, был принят в 1998 г. и до настоящего времени не подвергался существенной модернизации. При этом подходы к коллизионному регулированию частноправовых отношений с иностранным элементом в целом и к вопросам реализации автономии воли в частности приобрели новые направления развития.

Следует отметить, что во исполнение п. 11 плана подготовки законопроектов на 2018 год, утвержденного Указом Президента Республики Беларусь от 10 января 2018 г. № 9 [33], подготовлен проект Закона Республики Беларусь «О внесении изменений в некоторые кодексы Республики Беларусь» [34].

В проекте Закона «О внесении изменений в некоторые кодексы Республики Беларусь» предлагается исключить п. 2 ст. 1093 ГК, так как «принцип автономии воли сторон в законодательстве Республики Беларусь в настоящее время применяется только в отношении договорных обязательств, поэтому закреплять его в качестве общего принципа определения права, подлежащего применению к гражданско-правовым отношениям, осложненным иностранным элементом (ст. 1093 ГК), является неправильным по сути» [35].

В этой связи отметим, что норма п. 2 ст. 1093 ГК дублирует п. 2 ст. 1124 ГК и касается формы выражения волеизъявления сторон договора на выбор компетентного правопорядка: «Соглашение сторон о выборе права должно быть явно выражено или прямо вытекать из условий договора и обстоятельств дела, рассматриваемых в совокупности». Таким

образом, содержание п. 2 ст. 1093 ГК не позволяет рассматривать указанную норму как закрепляющую автономию воли «в качестве общего принципа определения права, подлежащего применению к гражданско-правовым отношениям, осложненным иностранным элементом». Кроме того, как было продемонстрировано ранее, в белорусском законодательстве имеются нормы, позволяющие осуществить выбор компетентного правопорядка не только в отношении договорных обязательств, но и применительно к иным сферам частного правового регулирования (например, п. 1 ст. 1120, ст. 1122 ГК). При этом норма п. 2 ст. 1093 ГК содержится в главе 74 «Общие положения» раздела VII ГК, что создает потенциальную возможность распространения п. 2 ст. 1093 ГК на приведенные ранее нормы, касающиеся коллизионного регулирования вещных прав.

Возвращаясь к вопросу о правовой природе автономии воли, отметим, что согласно существующей в доктрине МЧП позиции «в качестве источника автономии воли выступает правовая свобода индивида, которая заключается в избрании того или иного правила поведения, санкционированного законодателем» [2, с. 13].

А. А. Нурмагамбетов акцентирует внимание, что «категория свободы как основополагающая концепция современного гражданского права абсорбируется во всех принципах, устанавливаемых гражданским правом. Сущность гражданско-правового регулирования заключается в обеспечении субъекту права свободной от произвольного вмешательства сферы, в рамках которой он действует, соотносясь со своими интересами и мерой свободы, очерченной правом» [36, с. 7].

При этом следует подчеркнуть, что гражданское право является основой частного права, именно в нем содержатся фундаментальные принципы частного правового регулирования [16, с. 94]. Иными словами, «базовые принципы гражданско-правового регулирования в той или иной степени и форме находят свое проявление в семейном и трудовом праве (равенство, свобода договорных отношений и др.)» [25, с. 17].

В доктрине признается, что правовым явлением, суть которого выражается понятием «свобода», присущим сфере частного правового регулирования, выступает диспозитивность. Р. Б. Брюхов в диссертации «Диспозитивность в гражданском праве России» (2006) акцентирует внимание, что диспозитивность представляет собой облаченную в право свободу.

Это основанная на нормах права юридическая свобода выбирать вариант поведения [37, с. 15]. Д. Н. Горшунов также рассматривает диспозитивность через традиционную связь со свободой выбора варианта поведения, инициативы и усмотрения субъекта [15, с. 15].

Исторически диспозитивность как правовой феномен сформировалась в гражданском праве, где приобрела характер основы отраслевого регулирования [38, с. 97].

Следует отметить, что традиционно в науке гражданского права диспозитивность рассматривают как характерную черту метода гражданско-правового регулирования и принцип гражданского права. В доктрине отмечается, что «принцип диспозитивности проявляется в возможности выбора вариантов поведения: участники правоотношений самостоятельно решают, вступать или не вступать в правоотношение, определяют свои права и обязанности, устанавливают пределы ответственности в случае невыполнения обязанностей, решают вопрос, обращаться ли в суд за защитой» [39].

Анализируя нормы российского законодательства, Е. В. Вавилин и А. А. Волос полагают, что нормативным основанием принципа диспозитивности в наиболее общем виде являются правила п. 2. ст. 1 Гражданского кодекса Российской Федерации от 26 ноября 2001 г. № 146-ФЗ, в соответствии с которыми граждане и юридические лица приобретают и осуществляют свои гражданские права согласно своей воле и своему интересу. Одновременно авторы подчеркивают, что полное понимание принципа диспозитивности приведенной нормой не ограничивается. Принцип диспозитивности включает в себя целый ряд аспектов, среди которых свобода составления, завещания, свобода договора и т. п. [40, с. 59].

В ГК установлена модель императивности правовых предписаний, которая может быть изменена только в том случае, если законодательство это допускало. По мнению И. А. Козиковой, подход белорусского законодателя и сложившаяся судебная практика обусловлены историческим доминированием советских идеологических установок, согласно которым пропагандировалась идея о запрете всего, что прямо не разрешено. Все нормы, в которых отсутствует оговорка, разрешающая сторонам согласовать иное, воспринимаются как однозначный императивный приказ. Используемая юридическая техника создала предпосылки для того, чтобы традиционное для частного права общее правило диспозитивно-

сти норм стало выглядеть как исключение, в то время как императивное регулирование приобрело видимость общего правила [41, с. 44–45]. И. А. Козикова акцентирует внимание на необходимости прямого закрепления в законодательстве диспозитивности в качестве принципа гражданского права [41, с. 47–48].

В доктрине среди существенных черт, присущих принципу диспозитивности, называются универсальность, межотраслевой характер и множественность форм проявления [37, с. 6–7].

О. А. Красавчиков подчеркивал, что диспозитивность не является категорией, присущей лишь гражданскому материальному праву, сфера ее действия охватывает, в частности, такие отрасли права, как семейное и трудовое право. Вместе с тем диспозитивность в гражданском праве не тождественна диспозитивности в трудовом, семейном праве. Юридическая модель диспозитивности как основанной на законе свободы управомоченных лиц осуществлять свои права по своему усмотрению в каждой отдельной отрасли права наполняется своим специфическим содержанием, адекватным предмету правового регулирования данной отрасли права [42, с. 43].

Представляется, что преломление принципа диспозитивности имеет специфику не только в рамках материальных отраслей (гражданское право, семейное право, трудовое право), но и применительно к сфере коллизионного регулирования, характеризующегося также частноправовой природой.

Анализируя вопрос о соотношении автономии воли и частноправовых принципов свободы договора и диспозитивности, А. Ю. Акимов полагает, что последние являются принципами частного права в целом, так как именно дозволительная направленность правового регулирования отличает частноправовые отношения от публично-правовых, которым свойственна императивность. Однако, по мнению автора, коллизионный выбор – это специфическая категория МЧП, и ее особенность заключается именно в коллизионно-правовой природе и, как следствие, в ограниченной сфере применения – исключительно для регулирования частноправовых отношений, осложненных иностранным элементом. Согласно позиции А. Ю. Акимовой, демаркационной линией, позволяющей отделить автономию воли в МЧП от общепризнанных принципов свободы договора и диспозитивности, является содержание (правовая природа) автономии воли. Автономия

воли применительно к МЧП заключается не в свободе сторон заключать договоры, вступать или не вступать в любые частноправовые отношения, а в том, что сторонам частноправового отношения предоставляется право выбрать правовой порядок, на основе которого будут урегулированы их частноправовые отношения [6, с. 150].

Полагаем, что ошибочным является отождествление правовой природы принципа и его содержания. Очевидно, что применительно к сфере коллизионного регулирования принцип диспозитивности не может по содержанию совпадать с тем наполнением, которое ему присуще в сфере материального регулирования. Учитывая специфику коллизионного регулирования частноправовых отношений с иностранным элементом, преломление принципа диспозитивности в указанной сфере имеет определенные особенности, что не меняет сути указанного принципа как «обеспеченной законом и осуществляемой в пределах права свободы лица выбирать разумный и соответствующий его интересам правомерный вариант поведения» [43].

Таким образом, с учетом частноправовой природы коллизионного регулирования полагаем, что предоставление участникам частноправовых отношений с иностранным элементом коллизионно-правовой свободы в вопросе определения применимого права является проявлением универсального частноправового принципа диспозитивности в коллизионной сфере и находит выражение в структуре коллизионной нормы в привязке «закон, избранный сторонами правоотношения» (*lex voluntatis*).

Следует отметить, что для советской доктрины МЧП были характерны взгляды на автономию воли исключительно как на одну из существующих коллизионных привязок. Так, Л. А. Лунц отмечал, что «принцип автономии воли надо понимать как одно из коллизионных начал действующего права данного государства. Автономия воли является не источником коллизионного права, а одной из коллизионных норм или одним из коллизионных институтов права, установленных внутренним правовым порядком государства или его международными соглашениями» [44, с. 203].

Относят автономию воли к типам коллизионных привязок такие российские исследователи, как В. А. Канашевский [45, с. 287], В. Л. Толстых [46, с. 119], И. В. Гетьман-Павлова [47, с. 193] и др.

Вместе с тем Р. М. Ходькин верно акцентирует внимание на то, что «в МЧП принцип, как научная категория, имеет более широкое и универсальное применение, нежели коллизийная норма. Принцип является основным началом, который должен учитываться при создании коллизийных норм, в то время как коллизийная норма является лишь частным случаем воплощения такого принципа» [48, с. 209].

Полагаем, что автономия воли, являющаяся принципом МЧП, вытекающим из фундаментального частноправового принципа диспозитивности, носит универсальный характер.

По мнению В. С. Вепрева и А. А. Соловьевой, универсальность как свойство принципов права может быть рассмотрена с нескольких основных позиций. Во-первых, универсальность принципов связана с их свойствами, создающими основу для их универсального применения. Во-вторых, ее определяет, насколько тот или иной принцип охватывает определенную группу правовых явлений, степень его исходности в правовом регулировании. В-третьих, универсальность принципа объясняется уровнем его определяющего положения, регулятивного и иного воздействия на основные элементы системы права [49, с. 78].

Следует подчеркнуть, что в принципе автономии воли отражается сущность частного права, для которого свободное волеизъявление субъектов при реализации своих прав является определяющим. В настоящее время правореализация указанного принципа охватывает различные группы частноправовых отношений с иностранным элементом, подпадающих под регулирующее воздействие МЧП. При этом в сфере коллизийного регулирования трансграничных трудовых и брачно-семейных отношений действие автономии воли ограничивается, что связано, в частности, с необходимостью защиты «слабой» стороны в правоотношении. Вместе с тем преобладание императивных коллизийных норм в указанных сферах не является препятствием для возможности рассмотрения автономии воли в качестве исходного начала при определении применимого права, так как императивные нормы присутствуют и в частноправовом регулировании. По справедливому замечанию М. В. Мещановой, «возможные легальные ограничения принципа вовсе не означают его „ущербность“» [25, с. 146].

Анализируя уровень регулятивного и иного воздействия исследуемого принципа на основные элементы системы права, следует отметить нормообразующее влияние автономии воли при формировании коллизионных норм. С учетом того, что данный принцип является выражением воли сторон, которая играет ключевую роль в частном праве, автономия воли задает ориентиры при конструировании коллизионных норм, обеспечивая их согласованность в рамках системы частного права, к которой принадлежит МЧП.

Заключение. Подводя итог проведенному исследованию, необходимо отметить следующее. Автономия воли – принцип МЧП, вытекающий из фундаментального частноправового принципа диспозитивности. Данная позиция основана на следующем: 1) коллизионное регулирование имеет частноправовую природу, что предопределяет распространение на указанную сферу действия универсальных принципов частного права, к числу которых относится принцип диспозитивности (при этом применительно к сферам материального и коллизионного регулирования преломление принципа диспозитивности имеет специфику); 2) автономия воли соответствует юридической модели принципа диспозитивности, основанной на свободе субъектов частноправовых отношений выбирать вариант поведения. Вместе с тем применительно к сфере коллизионного регулирования указанная свобода наполняется специфическим содержанием и выражается в возможности участников частноправовых отношений с иностранным элементом самостоятельно, руководствуясь своими целями и интересами, осуществлять выбор права, подлежащего применению к регулированию соответствующих отношений.

Исследуемый принцип, являясь выражением воли сторон, которая играет определяющую роль в частном праве, имеет универсальный характер, создающий основу для его реализации в коллизионном регулировании различных групп частноправовых отношений с иностранным элементом. Обладая нормообразующей функцией, принцип автономии воли оказывает влияние на формирование коллизионных норм и находит выражение в структуре последних, в привязке «закон, избранный сторонами правоотношения» (*lex voluntatis*).

Список использованных источников

1. О международном частном праве [Электронный ресурс] : Закон Украины, 23 июня 2005 г., № 2709-IV : в ред. Закона Украины от 15.07.2021 г. // Законодательство стран СНГ / ООО «СоюзПравоИнформ». – Режим доступа: http://base.spinform.ru/show_doc.fwx?rgn=16954. – Дата доступа: 16.09.2021.
2. Тригубович, Н. В. Автономия воли в международном частном праве : автореф. дис. ... канд. юрид. наук : 12.00.03 / Н. В. Тригубович ; Саратов. гос. акад. права. – Саратов, 1999. – 25 с.
3. Малкин, О. Ю. Автономия воли во внешнеэкономических сделках : автореф. дис. ... канд. юрид. наук : 12.00.03 / О. Ю. Малкин ; Современ. гуманитар. акад. – М., 2005. – 26 с.
4. Третьяков, С. В. Юридическая природа автономии воли в международном частном праве : дис. ... канд. юрид. наук : 12.00.03 / С. В. Третьяков. – М., 2003. – 204 л.
5. Задорожна, С. М. Автономія сторін в міжнародному приватному праві : автореф. дис. ... канд. юрид. наук : 12.00.03 / С. М. Задорожна ; НАН України, Ін-т держави і права. – Київ, 2006. – 20 с.
6. Акимова, Ю. М. Принципы международного частного права : дис. ... канд. юрид. наук : 12.00.03 / Ю. М. Акимова. – М., 2015. – 210 л.
7. Толочко, О. Н. Принципы международного частного права / О. Н. Толочко // Белорус. журн. междунар. права и междунар. отношений. – 2001. – № 2. – С. 24–28.
8. Филатова, У. Б. Принципы международного частного права [Электронный ресурс] / У. Б. Филатова // ГлаголЪ правосудия. – 2010. – № 1. – Режим доступа: <https://cyberleninka.ru/article/n/printipy-mezhdunarodnogo-chastnogo-prava>. – Дата доступа: 16.09.2021.
9. Оксютчик, Н. В. Понятие принципов международного частного права / Н. В. Оксютчик // Журн. междунар. права и междунар. отношений. – 2012. – № 1. – С. 12–16.
10. Колобов, Р. Ю. Основы построения и функционирования международного частного права : автореф. дис. ... канд. юрид. наук : 12.00.03 / Р. Ю. Колобов ; Сев.-Кавк. акад. гос. службы. – Иркутск, 2006. – 25 с.
11. Каримов, С. Автономия воли: теории о правовой природе / С. Каримов // Журн. междунар. права и междунар. отношений. – 2013. – № 4. – С. 17–21.
12. Мещанова, М. В. Системность в международном частном праве : монография / М. В. Мещанова ; Нац. центр законодательства и правовых исследований Республики Беларусь. – Минск : Четыре четверти, 2017. – 244 с.

13. Мережко, А. Наука международного частного права: история и современность / А. Мережко. – Киев : Таксон. – 352 с.

14. Курдюк, Г. П. Историко-правовые предпосылки современного представления системы российского права / Г. П. Курдюк // Общество и право. – 2009. – № 4 (26). – С. 18–21.

15. Горшунов, Д. Н. Нормы частного права и их реализация : автореф. дис. ... канд. юрид. наук : 12.00.01 / Д. Н. Горшунов ; Казан. гос. ун-т им. В. И. Ульянова-Ленина. – Казань, 2003. – 24 с.

16. Бакаева, И. В. Гражданское право как отрасль права / И. В. Бакаева // Законы России: опыт, анализ, практика. – 2017. – № 3. – С. 93–101.

17. Попондопуло, В. Ф. Международное частное право: природа и тенденции развития / В. Ф. Попондопуло // Рос. юрид. журн. – 2018. – № 2. – С. 91–99.

18. Барышникова, Ю. Р. Принципы частного права: теоретико-правовое исследование : автореф. дис. ... канд. юрид. наук : 12.00.01 / Ю. Р. Барышникова ; Казан. гос. ун-т. – Казань, 2006. – 28 с.

19. Гражданский кодекс Республики Беларусь [Электронный ресурс] : 7 дек. 1998 г., № 218-З : принят Палатой представителей 28 окт. 1998 г. : одобр. Советом Респ. 19 нояб. 1998 г. : в ред. Закона Респ. Беларусь от 05.01.2021 г. // ЭТАЛОН. Законодательство Республики Беларусь / Нац. центр правовой информ. Респ. Беларусь. – Минск, 2021.

20. Кодекс Республики Беларусь о браке и семье [Электронный ресурс] : 9 июля 1999 г., № 278-З : принят Палатой представителей 3 июня 1999 г. : одобр. Советом Респ. 24 июня 1999 г. : в ред. Закона Респ. Беларусь от 18.12.2019 г. // iLex : информ. правовая система / ООО «ЮрСпектр», Нац. центр правовой информ. Респ. Беларусь. – Минск, 2021.

21. Кодекс торгового мореплавания Республики Беларусь [Электронный ресурс] : 15 нояб. 1999 г., № 321-З : принят Палатой представителей 13 окт. 1999 г. : одобр. Советом Респ. 28 окт. 1999 г. : в ред. Закона Респ. Беларусь от 10.01.2015 г. // iLex : информ. правовая система / ООО «ЮрСпектр», Нац. центр правовой информ. Респ. Беларусь. – Минск, 2021.

22. Бабкина, Е. В. К вопросу о правовой природе коллизионных норм / Е. В. Бабкина // Актуальные проблемы международного публичного и международного частного права : сб. науч. тр. / Белорус. гос. ун-т. – Минск, 2011. – Вып. 3. – Режим доступа: https://elibrary.bsui.by/bitstream/123456789/30831/1/babkina_2011_3_IL_issues_r.pdf. – Дата доступа: 16.09.2021.

23. Асосков, А. В. Коллизионное регулирование договорных обязательств [Электронный ресурс] / А. В. Асосков. – М. : Логос, 2017. – Режим доступа: <https://m-lawbooks.ru/wp-content/uploads/2020/02/kniga-029-kollizionnoe-regulirovanie.pdf>. – Дата доступа: 16.09.2021.

24. Ананевич, Е. В. Действие автономии воли в международном частном праве [Электронный ресурс] / Е. В. Ананевич // Вестн. Белорус. дзярж. экан. ун-та. – 2016. – № 6. – Режим доступа: http://www.bseu.by:8080/bitstream/edoc/69495/1/Ananevich._E._V._113_120.pdf. – Дата доступа: 16.09.2021.

25. Мещанова, М. В. Применимость универсальных частно-правовых принципов к сфере международного частного права / М. В. Мещанова // Сравнительно-правовые аспекты правоотношений гражданского оборота в современном мире : сб. ст. Международ. науч. юрид. форума памяти проф. В. К. Пучинского, Москва, 18 окт. 2019 г. / Рос. ун-т дружбы народов ; под ред. Е. Е. Фроловой, Е. П. Русаковой. – М., 2019. – С. 139–147.

26. Кондратьева, Е. М. Свобода договора и «автономия воли сторон» как гарантии осуществления конституционных прав российских участников внешнеэкономической деятельности в международном частном праве / Е. М. Кондратьева // Вестн. Нижегород. ун-та им. Н. И. Лобачевского: Идея конституционализма в РФ и за рубежом и практика ее реализации. – Нижний Новгород : Изд-во ННГУ. – 2003. – Вып. 1 (6). – С. 33–44.

27. UNIDROIT principles of international commercial contracts, 2016 [Electronic resource] // UNIDROIT : Intern. Inst. for the Unification of Priv. Law. – Mode of access: <https://www.unidroit.org/instruments/commercial-contracts/unidroit-principles-2016>. – Date of access: 16.09.2021.

28. Комаров, А. С. Применение Принципов УНИДРУА – унификация регулирования международной торговли в действии / А. С. Комаров // Унификация международного частного права в современном мире : сб. ст. / Ин-т законодательства и сравн. правоведения при Правительстве Рос. Федерации ; отв. ред. И. О. Хлестова. – М., 2013. – С. 50–66.

29. Бондаренко, Н. Л. Принцип свободы договора: сущность, содержание, основания и пределы ограничения / Н. Л. Бондаренко // Актуальные проблемы гражданского права. – 2016. – № 2 (8). – С. 6–19.

30. Ануфриева, Л. П. Международное частное право : учебник : в 3 т. / Л. П. Ануфриева. – 2-е изд., перераб. и доп. – М. : БЕК, 2002. – Т. 2 : Особенная часть. – IX, 644 с.

31. Международное частное право : учеб. пособие / В. П. Мороз [и др.] ; под ред. В. П. Мороза. – Минск : Адукацыя і выхаванне, 2016. – 496 с.

32. Симатова, Е. Л. Расширение принципа автономии воли сторон в брачно-семейных отношениях в международном частном праве / Е. Л. Симатова // Современное право. – 2014. – № 12-1. – С. 75–81.

33. Об утверждении плана подготовки законопроектов на 2018 год [Электронный ресурс] : Указ Президента Респ. Беларусь, 10 янв. 2018 г., № 9 // КонсультантПлюс. Беларусь / ООО «ЮрСпектр», Нац. центр правовой информ. Респ. Беларусь. – Минск, 2021.

34. О внесении изменений в некоторые кодексы Республики Беларусь [Электронный ресурс] : проект Закона Респ. Беларусь // Правовой форум Беларуси. – Режим доступа: https://forumpravo.by/files/nczpi_zakon_proekt_izmeneniya_v_kodeksi.pdf. – Дата доступа: 16.09.2021.

35. Обоснование необходимости принятия Закона Республики Беларусь «О внесении изменений в некоторые кодексы Республики Беларусь» [Электронный ресурс] // Правовой форум Беларуси. – Режим доступа: http://forumpravo.by/files/nczpi_zakon_proekt_izmeneniya_v_kodeksi_obosnovanie.pdf. – Дата доступа: 16.09.2021.

36. Нурмагамбетов, А. А. Реализация принципа свободы договора в гражданском праве Республики Казахстан : автореф. дис. ... канд. юрид. наук : 12.00.03 / А. А. Нурмагамбетов ; Каз. гуманитар.-юрид. ун-т. – Алматы, 2009. – 24 с.

37. Брюхов, Р. Б. Диспозитивность в гражданском праве России : автореф. дис. ... канд. юрид. наук : 12.00.03 / Р. Б. Брюхов ; Урал. гос. юрид. акад. – Екатеринбург, 2006. – 26 с.

38. Демин, А. В. Диспозитивность как общеправовой концепт / А. В. Демин // Право и государство. – 2016. – № 3 (72). – С. 94–100.

39. Гражданское право [Электронный ресурс] : учебник : в 3 т. / под ред. В. Ф. Чигира. – Минск : Амалфея, 2008. – Т. 1 / А. В. Каравай [и др.]. – Режим доступа: <https://elib.bsu.by/bitstream/123456789/208618/1/Учебник%20по%20ГП.pdf>. – Дата доступа: 25.08.2021.

40. Вавилин, Е. В. Системность принципов и их действие в гражданском праве России и Китая / Е. В. Вавилин, А. А. Волос // Вестн. Перм. ун-та. Юрид. науки. – 2018. – Вып. 39. – С. 53–73.

41. Козикова, И. А. Толкование диспозитивности в гражданском праве как основа реализации свободы договора / И. А. Козикова // Журн. Белорус. гос. ун-та. Право. – 2017. – № 2. – С. 42–49.

42. Красавчиков, О. А. Диспозитивность в гражданско-правовом регулировании / О. А. Красавчиков // Совет. государство и право. – 1970. – № 1. – С. 41–49.

43. Знак, М. А. Теоретические проблемы диспозитивности договорной ответственности в гражданском праве [Электронный ресурс] / М. А. Знак // Электронная библиотека БГУ. – Режим доступа: https://elib.bsu.by/bitstream/123456789/19771/1/11_%D0%B7%D0%BD%D0%B0%D0%BA.pdf. – Дата доступа: 25.08.2021.

44. Лунц, Л. А. Международное частное право / Л. А. Лунц. – М. : Юрид. лит., 1970. – 357 с.

45. Канашевский, В. А. Международное частное право : учебник / В. А. Канашевский. – Изд. 2-е, доп. – М. : Междунар. отношения, 2009. – 751 с.

46. Толстых, В. Л. Международное частное право: коллизионное регулирование = International private law: conflicts regulation / В. Л. Толстых. – СПб. : Изд-во Р. Асланова : Юрид. центр Пресс, 2004. – 524 с.

47. Гетьман-Павлова, И. В. Международное частное право : учебник / И. В. Гетьман-Павлова. – М. : Эксмо, 2005. – 749 с.

48. Ходыкин, Р. М. Критерий наиболее тесной связи в международном частном праве [Электронный ресурс] / Р. М. Ходыкин // Моск. журн. междунар. права. – 2002. – № 4. – Режим доступа: <https://mzs.ru/upload/iblock/fe0/fe0d2d44193429f73336030b58daab94.pdf>. – Дата доступа: 25.08.2021.

49. Вепрев, В. С. Универсальность как свойство правовых принципов / В. С. Вепрев, А. А. Соловьева // Вестн. ЮУрГУ. Сер. Право. – 2017. – Т. 17. – № 3. – С. 78–84.

22.09.2021

K. V. Sinkevich

Senior lecturer of the Civil Law Department
of the Faculty of Law of the Belarusian State University

AUTONOMY OF WILL AS A MANIFESTATION OF THE UNIVERSAL PRIVATE LEGAL PRINCIPLE OF DISPOSITION IN THE COLLISION SPHERE

Abstract. In the article the issue of legal nature of autonomy of will is investigated that is one of the most discussed questions in the modern science of international private law. Based on the investigation carried out, the author comes to the conclusion that autonomy of will is a principle of international private law resulting from fundamental private law principle of disposition. It is substantiated that the principle of autonomy of will is of universal nature and is expressed in the structure of rules concerning conflict of laws in the context of «the law chosen by the parties of legal relations» (*lex voluntatis*).

Key words: international private law; law of conflict of laws; autonomy of will; universal private law principles; principle of freedom of contract; disposition principle.